

который носил навевающее ассоциации имя *Иоанн Сальвадор* фон Габсбург, и министр, и Эмма Кальве.

Но враждебность вызывало не только его широкое гостеприимство: Соньер и Мария занимались ночными раскопками на кладбище. Хотя неизвестно, чем они в точности занимались, совершенно точен тот факт, что они стерли надписи на памятнике и надгробной плите, покрывающей могилу со значимым именем *Marie de Negre d'Ables*, благородной женщины, уроженки этих мест, которая умерла 17 января 1781 года, предположительно для того, чтобы уничтожить информацию, в этих надписях содержащуюся. Они не сознавали, что их усилия напрасны — местные члены общества любителей антиквариата уже успели сделать копии надписей. Как мы увидим далее, страстное желание Соньера уничтожить текст имеет огромное значение для нашего исследования.

Приблизительно в то же время, когда Соньер якобы посетил Париж, он нашел так называемый «камень рыцаря» — резную плиту, лежавшую около алтаря лицом вниз, которая датируется временами вестготов с изображением рыцаря с ребенком на коне. Видимо, он нашел под ней что-то очень важное — возможно, еще один комплект документов, или артефакты, или ключ к шифру. Никто с уверенностью не может сказать, как Соньер вскрыл пол, но загадочная запись в его дневнике от 21 сентября 1891 года гласит: «Письмо от Грене. Найдена гробница. Шел дождь».

Ночные раскопки Соньера привели к скандалу, но гнев Церкви вызвали *заказные мессы*, из-за которых он был отстранен от должности. Его даже назначили в другой приход, но он прямо и безоговорочно отказался подчиниться и продолжал жить с Мари в Ренн-ле-Шато. Когда Церковь прислала другого священника в деревню, Соньер провел мессу в вилле Вифания для тех односельчан, которые остались ему верны.

Из всех тайн, окружающих жизнь Соньера, возможно, одной из самых интригующих является тайна, которая возникла после его смерти. Он заболел 17 января 1917 года, умер через пять дней, и его тело было помещено в сидячем положении на открытом воздухе на пандусе террасы его *domaine*. Односельчане и другие люди, приехавшие издалека, проходили мимо него процессией и отрывали по помпону от накидки. Его последнюю исповедь выслушал священник из соседней деревни Эспераза. То, что было сказано ему, оказало на него столь глубокое впечатление, что, по словам Рене Дескадилла, «... с этого дня старик священник никогда уже не был прежним: он явно испытал шок»⁸.

После смерти Соньера преданная ему Мария Денарно продолжала жить на вилле Вифания. Соньер как священник не имел права иметь собственность, поэтому он купил землю на ее имя. Она все в большей степени становилась затворницей и заработала себе репутацию женщины вспыльчивой и раздражительной, сопротивляясь попыткам купить у нее все больше ветшавший *domaine*. Наконец, в 1946 году в день праздника Марии Магдалины она продала его бизнесмену Ноэлю Корби с условием, что она будет здесь жить всю оставшуюся жизнь.

Дочь Корби Клер Каптьер вспоминает, как она жила там ребенком. По ее словам, Мари посещала могилу Соньера каждый день — и в середине каждой ночи. Мари рассказывала ребенку о некоторых необычных явлениях, сопровождавших некоторые посещения могилы. Она говорила: «Сегодня за мной следовали блуждающие огоньки кладбища». Когда ребенок спрашивал, а не страшно ли ей было, она отвечала: «Я привыкла к ним... я иду медленно, они следуют за мной... когда я останавливаюсь, останавливаются и они, а когда я закрываю ворота кладбища, они всегда исчезают»¹⁰.